

2 страница

Класс	9
Тематическое направление:	уничтожение мирных жителей в среде обитания
Жанр сочинения	дневниковые записи
Тема сочинения	"Ленинград, я еще не могу умирать"
Сочинение	
... Вот так настал, одевший в кровь и мед, сорок второй неборимый год. О, горесточенья и упорства! Лишь насмерть, на смерть ветру встали мы. Под Ленинграда, гор его дымы, год Сталинградского сракобвства. В те дни отжили быт. И шло в права свои вступило бытие. Ольга Берггольц.	
9 мая, 2024 год. Отрешим бой, смолком автоматные очереди, небо не будра - шваает от "гавкающего" и "урчающего" воя маленьких самолетов. Вот уже 79 лет над моей любимой городом мирное небо. Целых 79 лет! Это возра- ст почтенного гражданина. А боль не утихает. Она не просто не утихает, она ощущается все сильнее и острее, все явственнее отжи- ается в сердце каждаго гражданина нашей страны, который не может быть равнодушным к страданиям блокадного города, города на Небе - Ленинграда.	

Блокада. 900 дней и ночей Ленинграда выжидали мы все-таки жизни! Откуда брались силы, откуда возникла стойкость, чем подпитывались истоки душевной крепости? Ответы на эти вопросы дают очевидцы тех лет, дети, пережившие голод и страдания. Ответам нам, детям XXI века, становятся кадры кинохроники, документальные фильмы, мемуары Великой Отечественной войны и дневниковые записки записки. В моей семье хранится дневник моей прапрабабушки — Трофимовой Прасковьи Дмитриевны, жительницы Блокадного Ленинграда. В своем дневнике она разговаривает с мужем, который в первые дни войны ушел на фронт. А теперь на страницах своего дневника я разговариваю с ней — с одной из миллионов, несомленных и непокоренных.

15 декабря 1941 года.

Дорогой мой Ванечка! Вот решила вести дневник, так как совершенно нет никакой возможности отправить тебе письмо. Почта из Ленинграда не уходит. А так хочется пообщаться с тобой, чтобы ты был... Очень хочется не утратить ни одного мгновения своей жизни, особенно радостного. Но радостного пока мало. В городе стало совсем тихо с продовольствием. Но все-таки можно раздобыть еще крупы и чай. Правда, для этого надо ходить на толкучку, где за чужие вещи можно выменять чего-нибудь своего. А в нашей квартире самого ценного — книги. Ты уж не обессудь, пришлось скести твоего Пушкина, издание 1823 года. Нашлись охотники за раритетами. Теперь у меня есть немного гречки, ржаной муки и банка консервов. Живем!

21 декабря, 1941 год.

Холодно! Очень холодно! В комнате установлена буржуйка, спасибо соседу папоз. Раздобыта дрова. Ищу понашенку. Скоро на денурство. Да совсем забыла сказать, что музыкальную школу нашу разбомбили еще в октябре. Теперь я живу в госпитале. Раненых очень много. Им нужна наша поддержка и уход. А музыка... Музыка будет. Вот оркестр францезов и я сыграю твою любимую «Лунную сонату». А пока мое место среди раненых бойцов. Да и папа какой-нибудь дажет, да жетые кофточки.

24 декабря, 1941 год

Вернувшись с озерного дежурства, домой приходить совсем не хочется. Здесь холодно и одиноко. В нашей коммуналке с канаркой жком становится все меньше людей. Нет, они не умирают, они как-то истончаются, становятся похожими на призраков. Умерла только теть Соня из коммуналки напротив. Так тихонечко ушла и не прощусь. Старенькая она была, 82 года. Я говорю о других наших соседях. Паулинь наших дружные застолья с есиком, шуршом, панингом. А дядю Гришу помню, который на фортепиано виртуозно играл, как Паганини на скрипке? Так сегодня увижу его и унашусь: передо мной стоял не молодой шурш, а человек, вроде бы живой, но уже как бы мертвый, очень худой со страшными муками, на которых недовольные глаза, обтянутые нос и полное отсутствие волос. Страшно! Страшно и то, как он выглядит, и то, что я ничем не могу ему помочь. Только вот добрые слова и кружочек кипотка. Слава Богу, дрова еще есть, есть возможность погреться у печки да всейнить боры. Поидем, поговорим с дядей Гришей... Завтра опять на дежурство."

"31 декабря, 1941 год.

Сегодня канун Нового года. По старой доброй традиции загарываем желовие. Все собралось у меня. Я шлю вверх наших соседей по коммуналке. Пришла только соседка Гали с детьми да теть Юра. Остальные просто уже хорить не могут. А дядя Гриша все-таки умер. В госпитале, когда я рассказала врачу обо всем состоянии, он мне предупредил, что не шлю мой сер. Его состояние по-научному называется дисфорическим аффектом - страшнейшая багерь. Человек становится похожим на ссик, обтянутый кожей, через которую можно разглядеть вены и артерии. Да что там - канарки даже! Страшно то, что в таком состоянии человек боится все, и он испытывает те же боли, что и ты. Раненый солдат. В эту предновогоднюю ночь мы вспоминаем, как были до войны, какие вкусные пироги пекла еще наша соседка Лека. Ты помнишь ее? Она работала в кондитерской на Невском. Как вкусно пахло на нашей общей кухне и украинскими борщами, и узбекскими киза, и белорусскими драчанами... А сейчас... А сейчас на у-

цах пропали все кошки и собаки, меньше стало голубей и воробьев. Наш всеобщий кот Галичет тоже исчез. Видно кому-то он стал нужнее, чем его маленькой хозяйке, Галичковой Зиньке. Вот такой получился невеселый Новый год. Попили морковного чая, для детей у меня нашлось пара кусочков сахара (вот уж радость!), потякали. Ч... И посплетали о нашей победе, о маме, чтобы бы, наши дорожки, вернувшие домой поскорее. Завтра снова на динурство. А этому огневара. За речкой время как-то движется быстрее и чувство города приглушается. Когда вернись строгие сирот и желание их побыстрее вернуться на фронт быть фанатичными переживаниями становится маленькими и незаметными.

15 января 1942 года

Сегодня в ординарской встретили свою давнюю приятельницу, Тосю Иванову, с которой мы виделись последний раз еще в 1939 довоенном году в Маринке. Она теперь тоже в госпитале. С началом блокады ее МММ отправили в эвакуацию. А она осталась в Ленинграде помогать сестре, у которой двое детей. Так вот рассказ поразила ее до глубины души. Страшное слово «голод». Его мы слышали по сто раз на дню. Слышать это слово, а переживать за детей, которые голодают это другое. Девочек зовут Лора и Зора. А кошку их: две живые сестренки, бабские кошечки. Так вот сейчас Зора, стирная, совершенно походит на скелет. Сидит она еще в конце октября, простудилась и сидит. А там и холодно очень стало. Вот ценит уже бабские двух мышей. Уже голодный парашин и дятло. Похожа она бабские на старуху, чем на призрачную девочку. А марина Лора, ей 10 лет, как унесет, так и ухаживает за сестрой: пытается развлечь ее и отвлекать от грустных мыслей: «Хочешь! Дайте хлеба!»

А хлеб, который мы договариваем по карточкам — это вообще даме и не хлеб, это что-то похожее на кусок мши, коричневого цвета. А когда бы его берем в руки, с него капает вода... Но это 125 граммов спасения. 125 граммов еще одного дня жизни!

«27 января 1945 года. Сурово деньскотие блокады Ленинграда. Для всех ленинградцев, а также петербуржцев - это святой день. День победы всех тех, кто выжил в те страшные 900 дней и ночей. В этот день я всегда переписываю рабочую тетрадь. Странички старые и новые, кое-где уже трудно разобрать написанное. Но многое я должна почти написать. Что там, как в заснеженном Ленинграде небом и ветрами и светом. Как нитями замерзшими города жарким за водой на морозе, где-то воду на ледяных буржуйках. А если печка остывала, то вода за ночь промерзала до дна. Как сотрудники жилищного хозяйства ходили по домам и отмечали состояние коммунальных: «Авернуз ваше дело Пете умер, а вы его хоронить не желаете и картонки за него покупаете!?!». Да было и такое, коммунальное и милосердное одновременно: боялись, что твой родственник не доживет до первого снега и не получит ты ничего картонки».

А еще на страничке дорогого мне дневника была радость всеенного счастья, победы и счастья победы. Победы нашей страны над страшными врагами-фашистами!»